

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Прививка
для маньяка

МОСКВА

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

В оформлении обложки использован коллаж
из рисунков художника *Валерия Петелина*

Л47   **Леонов, Николай Иванович.**
Прививка для маньяка / Николай Леонов,
Алексей Макеев. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-699-94362-3

У домработницы предпринимателя Глеба Звоницкого — беда. Ее дочери Кире угрожает сумасшедший маньяк. Глеб пытается защитить Киру, но тоже становится мишенью преступника. Глеба жестоко избивают, пытаются отравить, в его офис закладывают бомбу, похищают сотрудницу. Звоницкий понимает, что ему объявлена настоящая война. Он принимает вызов и не собирается сдаваться даже после того, как узнает, кто скрывается под маской маньяка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94362-3

© Макеев А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Его далекий предок во времена императора Нерона был внесен в проскрипционные списки и казнен за то, что во время военного похода в присутствии двенадцати свидетелей помочился, не сняв с пальца кольцо с головой императора. А другой был высажен с парусного корабля за неповиновение капитану на необитаемый остров, где и закончил свои дни в возрасте девяноста трех лет, ни разу не унижившись до того, чтобы разжечь костер или иным образом подать сигнал о спасении. Правда, Глеб Звоницкий не знал ни о том, ни о другом случае — семейное предание не сохранило подробностей этих историй. Но незнание, как известно, не освобождает от ответственности. От предков Глеб Аркадьевич явно унаследовал свойство поступать не по правилам, а так, как считал нужным, — и плевать на цену, которую придется за это уплатить!

Вот и сейчас Звоницкий стоял, держа на вытянутой руке взрывное устройство. Провода от него уходили под куртку, прямо к бьющемуся сердцу.

Глаза заложников смотрели на Глеба с отчаянием и страхом.

— У меня тут октоген, — сказал Звоницкий, нехорошо усмехаясь. — Этого количества хватит, чтобы обрушить несущую стену. А что там, за стеной? Кухня, верно? А в ней газовые трубы. Ну что? Твой ход!

— Ты блефуешь. Нет у тебя никакого октогена, — облизнул пересохшие губы его враг.

— А ты проверь! — оскалился Звоницкий.

С минуту оба таранили друг друга взглядами, наконец противник отвел глаза.

— Валяй, взрывай! Вместе сдохнем.

— Надо же, а я хотел предложить тебе выход из создавшейся ситуации, — задумчиво произнес ветеринар.

Враг вскинул голову и уставился на Глеба:

— Выход?..

ГЛАВА 1

— Мое сердце остановилось, мое сердце за-
ме-е-ерло... Мое сердце остановилось... отды-
шалось немного и снова пошло!

— Жениться вам пора, Глеб Аркадьевич.

Ветеринар Звоницкий поднял голову и в изумлении уставился на домработницу. Варвара Михайловна, полная пожилая дама с аккуратным пучком белоснежных волос и уютными ямочками на пухлых щеках, стояла в дверях и, пригорюнившись, слушала жалобную песню в исполнении своего хозяина.

Привычка напевать во время работы, не требующей умственных усилий, появилась у Глеба Аркадьевича давно — еще в юности. Тогда студент «ветеринарки» выводил: «Я хочу быть с тобой, я так хочу быть с тобой, и я буду с тобой» — или выкрикивал: «Группа крови на рукаве, мой порядковый номер на рукаве, пожелай мне удачи в бою...» Но прошли годы, и теперь репертуар Звоницкого необычайно расширился. Наряду с оперными ариями там присутствовали: «Желтая подводная лодка», «Мурка» и «Маруся отравилась», «Интернаци-

онал», «Течет реченька по песочечку», «Прощание славянки», «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг» и множество русских народных песен, творений бардов шестидесятых, а также романсов прошлого и даже позапрошлого века.

Домработница хорошо изучила привычки своего работодателя. Она знала — если Глеб Аркадьевич мурлычет себе под нос: «На палубу вышел, сознания уж нет, в глазах у него помутилось», — значит, неважно себя чувствует и лучше оставить его в покое. А если выводит: «Скатерть белая залита вином, все гусары спят беспробудным сном. Лишь один не спит, пьет шампанское за любовь свою, за цыганскую», — тогда все в порядке, дела в ветеринарной клинике идут хорошо. И можно подойти к хозяину с любым вопросом, даже самым неприятным, — он отнесется к этому с добродушной усмешкой, которая делает его похожим на большую собаку породы кане-корсо.

— Что вы сказали, Варвара Михайловна? — переспросил Звоницкий.

— Извините, Глеб Аркадьевич, — смутилась пожилая дама. — Конечно, это не мое дело... Но вам пошло бы на пользу, если бы вы подыскали какую-нибудь приятную женщину и не были так одиноки.

Звоницкий отодвинул в сторону будильник и отвертку и с интересом взглянул на домработницу. Будильник — жутковато-

го вида металлический агрегат со знаком «ГОСТ» на задней крышке — ветеринар разыскал на антресолях. Эта вещь принадлежала еще его покойному отцу. Вспомнил, как пионером просыпался под чудовищный бодрый звон, чтобы не опоздать в школу, и решил посмотреть: а вдруг получится починить? За приступ ностальгии Звоницкий дорого заплатил — вот уже три вечера подряд копался в пыльных внутренностях будильника, пытаясь разобраться, что не так в этом царстве пружин и колесиков. Ветеринаром Глеб Аркадьевич был хорошим, а вот с техникой не дружил. Так что поиски неполадок стали делом принципа, и вместо отдыха после трудового дня он упорно изображал часовщика-самоучку.

— Вообще-то я уже был женат, — хмыкнул Глеб, — и ничем хорошим это не кончилось.

Варвара Михайловна потупилась. Она была в курсе этой истории. Дело в том, что жена Звоницкого, с которой он прожил больше двадцати лет, оставила его ради преуспевающего политика. Через год после развода с Глебом Аркадьевичем случилось совсем уж страшное — рядом с ним взорвалась начиненная гексогеном машина. Не то чтобы кто-то пытался устранить именно Звоницкого — вовсе нет. Да, он работал в прокуратуре, но вовсе не был таким уж рьяным борцом с преступностью, чтобы ради него стоило так стараться.

Просто Глеб оказался не в то время и не в том месте.

Целых две минуты он был мертв. А потом его откачали. Почти год он пролежал в больнице, но ничего, вышел, даже зрение восстановилось. Правда, нога почти не сгибалась в колене, и Глеб довольно долго ходил с тростью, даже машину пришлось переделать под ручное управление... Но это сущие пустяки.

Звоницкий никогда и никому не рассказывал, что же он видел там, по другую сторону реальности, но с этого дня круто поменял свою жизнь. Завершил ветеринарное образование, когда-то оставленное по настоянию жены, и открыл собственную клинику на окраине столицы. Клиника процветала — во многом потому, что Глеб Аркадьевич проводил там по четырнадцать часов в сутки и никогда не отказывал клиентам, даже самым неимущим.

В общем, в профессиональной сфере Звоницкий, как говорится, состоялся. Считая карьеру в прокуратуре, которую он сделал до взрыва, состоялся дважды. А вот с личной жизнью дело как-то не ладилось. Времени на эту самую личную жизнь катастрофически не хватало, и Глеб уже смирился со случайными романами, ни один из которых не продлился больше нескольких недель. Правда, совсем недавно Звоницкий встретил потрясающую женщину. Елена Йоффе была биохимиком, обладала приятной внешностью и чувством

юмора, и Глеб уже решил было, что их серьезные отношения так же дороги Елене, как и ему самому... Но тут случилось непредвиденное. Госпожа Йоффе уехала за границу и осталась там навсегда. Ей предложили преподавание — то ли в Беркли, то ли где-то еще... Звоницкий не вникал. Главное, что их отношениям пришел конец. Да, времена «железного занавеса» остались в прошлом, он вполне мог оформить визу, сесть в самолет и спустя несколько часов оказаться по другую сторону океана... Но ведь потом все равно придется возвращаться.

В общем, ветеринар, напевая, старательно чинил будильник, а домработница, пригорюнившись, смотрела на хозяина и думала, что тот «страдает от разбитого сердца». Варвара Михайловна любила романы о любви, причем макулатуры в бумажных обложках принципиально не признавала. Зато перечитывала «Унесенные ветром», «Поющие в терновнике», «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей» и прочие «Вешние воды».

— Давайте оставим мою личную жизнь в покое, — вздохнул ветеринар. — Поговорим лучше о вас, уважаемая Варвара Михайловна.

Домработница зарделась, как девушка, и махнула рукой:

— Что вы, Глеб Аркадьевич! Ничего интересного во мне нет, и не о чем разговаривать. А вот вы рановато поставили крест на matrimониальных планах!

— Каких, простите?! — закашлялся, скрывая улыбку, Звоницкий.

— Матримониальных. То есть речь идет о браке.

— Это что, латынь? — уставился он на пожилую даму.

— Возможно, — смутилась Варвара Михайловна. — Но это совершенно неважно! А важно то, что вы в ваши годы...

Звоницкий вздохнул. Дело в том, что домработница появилась в его жизни, когда он только что вышел из больницы. Тогда Глеб с трудом передвигался, тяжело опираясь на трость, и не снимал темных очков в любую погоду — взрывом ему повредило сетчатку глаз. Варвара Михайловна принялась заботиться о нем, продолжала заботиться и сейчас и совершенно не желала замечать, что перед ней вовсе не беспомощный одинокий инвалид, а нормальный здоровый (ну почти) мужик, которому даже полтинника не исполнилось! Ее удушающая забота порой так раздражала, что ветеринар подумывал, не расстаться ли с милейшей Варварой Михайловной. Особенно часто такие мысли посещали Глеба, когда пожилая дама пыталась устроить его личную жизнь. Но он быстро остывал. Домработница была необходимой частью его жизни, обеспечивая крепкий тыл и позволяя не думать о том, что будет на ужин после тяжелого трудового дня. И еще одно останавливало ветеринара. Он

знал, что Варвара Михайловна — глава большого и бесполового семейства, состоящего сплошь из женщин. Домработница была, так сказать, «матриархом», и лишить ее на старости лет заработка — кстати, весьма неплохо — было бы просто жестоко. Поэтому Звоницкий перевел разговор на другую тему:

— Как поживает ваш внук?

Шестилетний Алеша был властелином бабушкиного сердца, кумиром семейства, и рассказывать о своем внуке Варвара Михайловна могла часами. Но сейчас она почему-то тяжело вздохнула, и глаза ее наполнились слезами.

— Что? — заволновался Глеб. — С вашим мальчиком что-то случилось? Он заболел?

Домработница промокнула слезу уголком кипенно-белой салфетки и с чувством проговорила:

— Спасибо вам, Глеб Аркадьевич!

— За что? — испугался Звоницкий. Он, кажется, пока еще ничего не обещал...

— За чуткость, — всхлипнула Варвара Михайловна. — Вы необычайно чуткий человек! Каждое утро я говорю себе и своим домашним, как же мне повезло, что именно вы взяли меня на работу!

Глеб невольно скривился. Он бывал разным — то чутким, а то совершеннейшей свиньей и равнодушной скотиной — по крайней мере, именно так утверждала его бывшая супруга.

— И что же вам отвечают ваши домашние? — спросил он, чувствуя себя чрезвычайно неловко.

— Что да, мне очень повезло.

— Так что там с Алешей? Он болен?

— Третий день ничего не ест и почти не спит, — горестно закивала Варвара Михайловна.

— А температура? Температура нормальная?

— Алешенька просто-напросто переживает, — всхлипнула домработница. — Он нервный и чувствительный мальчик, а тут такое несчастье...

— Какое... несчастье?

— Понимаете, на день рождения Алеше подарили котенка. Смешная такая лопоухая зверушка. Но кошка породистая и дорогая. Мы всей семьей откладывали деньги, потому что мальчик очень просил. Моя дочь Кира купила котенка, Алешенька был так рад...

— С котенком что-то случилось? — догадался Глеб.

— Три дня назад он вдруг начал странно себя вести. Не ходит в туалет, все время плачет. И Алешенька все время плачет... — пожаловалась Варвара Михайловна.

— А к ветеринару вы кота водить не пробовали? — потрясенно уставился на нее Звоницкий. — Говорят, помогает.

Он чувствовал, как в нем поднимается волна раздражения. Ему постоянно приходилось

сталкиваться с такими вот хозяевами, которые три дня «маринуют» несчастное животное дома, наблюдая за его страданиями, — еще бы, пожаловаться оно ведь не может! — вместо того чтобы хватать больного под мышку и мчаться в ближайшую «ветеринарку».

— К примеру, в мою клинику от вашего дома можно доехать за пятнадцать минут. Клиника, кстати, открыта с восьми утра до восьми вечера. Специально, чтобы работающий человек мог успеть попасть на прием!

Домработница посмотрела на Звоницкого, который продолжал кипятиться, и сказала:

— Так и знала, что вы будете нас ругать. Дело в том, что я весь день занята работой, Варенька и Машенька учатся, Танечка в ночную смену, а моя дочь Кира не любит выходить из дома. Так что отвезти котика к врачу было просто некому, понимаете?

Звоницкий вдруг поднялся. Поскольку роста в нем было метр девяносто, выглядело это настолько угрожающе, что домработница даже попятилась. Но Звоницкий только устало вздохнул и скомандовал:

— Выезд через пять минут. Попрошу не задерживаться.

— Вы куда-то уезжаете на ночь глядя? — изумилась Варвара Михайловна.

— Так точно. Уезжаю. К вам домой, посмотреть, что там приключилось с вашим котом...